

ПЛАНИРОВАНИЕ ВЕСЕННЕ-ЛЕТНИХ ОПЕРАЦИЙ 1943 Г. НА ЮГЕ КУРСКОЙ ДУГИ: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

В. А. Шамрай

Воронежский государственный университет

Планирование новых весенне-летних операций на Воронежском фронте началось в конце марта 1943 г. 27 и 31 марта были отданы приказы Ф. И. Голикова и сменившего его на посту командующего фронтом Н. Ф. Ватутина, заложившие основы плана и подготовки обороны на юге Курской дуги.

В первом приказе еще до издания указаний и решения Ставки планировалось создать систему «глубоко эшелонированной обороны», т. е. примерно за месяц (к 25 апреля) построить на территории фронта пять оборонительных полос (рубежей) на глубину свыше 100 км (от линии фронта и вплоть до р. Оскол). Недостатком системы инженерного укрепления местности по плану Голикова был отказ от создания сильной противотанковой обороны, т. к. приказ № 0087 требовал «не возводить трудоемких противотанковых сооружений», т. е. эскарпов и противотанковых рвов и т. п., ограничиваясь в основном задачами минирования основных танкоопасных направлений [4, 131].

Первоначальным планом Ватутина, изложенным в приказе на оборону от 31 марта 1943 г., намечалось «создать большую глубину обороны» посредством занятия войсками не только основных, но также и промежуточных и тыловых рубежей, т. е. глубокое эшелонирование войск фронта [2, л. 113].

Во-вторых, путем перегруппировок усиливался правый фланг фронта, а наиболее прочная оборона создавалась на трех считавшихся наиболее опасными направлениях: Белгород, Обоянь; Белгород, Короча и Волчанск, Новый Оскол (в действительности в июле 1943 г. противник наступал только на двух первых направлениях).

Наряду с совершенствованием обороны войск фронта мартовский план Ватутина намечал также ее активизацию, включавшую проведение ряда частных атак с целью создания предполья на фронте 38-й и 21-й (6-й гвардейской) армий, а также образование сильных ударных групп «для производства контрударов и перехода в контрнаступление» [2, л. 113].

Напрашивается вывод, что уже в конце марта 1943 г. командующий Воронежским фронтом впервые высказал идею последующего перехода от

обороны к наступлению, ставшую затем стержнем так называемого плана преднамеренной обороны.

Кроме того, в приказе № 0093 намечалось уже к концу первой декады апреля (т. е. в течение всего 10 ближайших дней) доукомплектовать и полностью вооружить стрелковые дивизии и бригады и полностью восстановить боеспособность средств усиления. По особому плану, но к тому же сроку, планировалось полностью укомплектовать танками отдельные танковые корпуса Воронежского фронта, которые и предназначались прежде всего для производства контрударов и перехода в контрнаступление [2, л. 115, 116].

Замысел преднамеренной обороны вызревал постепенно в период длительного пребывания представителя Ставки ВГК маршала Жукова на Воронежском фронте, совместного с Н. Ф. Ватутиным изучения обстановки и анализа сведений разведки и длительного обсуждения намерений противника и планов советского командования. Итогом этого совместного анализа представителей центрального и фронтового руководства и стали изложенные в докладе Г. К. Жукова И. В. Сталину 8 апреля 1943 г. мнение о нецелесообразности упреждающего удара «в ближайшие дни» и предложение о переходе к временной преднамеренной обороне с тем, чтобы в случае наступления противника измотать его войска, выбить танки, а затем переходом в наступление с вводом свежих резервов разгромить немецкую наступательную группировку в районе Курской дуги [8, 15].

По свидетельству Жукова и Василевского этот замысел был рассмотрен и предварительно принят на совещании в Ставке 12 апреля 1943 г. «Между прочим, – подчеркивал А. М. Василевский, – на совещании был предусмотрен и другой вариант действий: переход советских войск к активным действиям в случае, если фашистское командование не предпримет наступления под Курском в ближайшее время и оттянет его на длительный срок» [7, 17-18]. Можно сделать заключение, что действие предварительного решения о преднамеренной обороне ограничивалось определенными хронологическими рамками. Во-вторых, оно не

было окончательным. И, наконец, эта выжидательная стратегия не была безальтернативной.

Командование Воронежского фронта и лично Н. Ф. Ватутин изложили свои предложения и развернутую трактовку стратегии летней кампании и Курской битвы в докладе Верховному главнокомандующему от 21 апреля 1943 г. [1, л.1-17]. К докладу была приложена карта с уточненным планом организации обороны войск Воронежского фронта, а в тексте доклада излагались только ее основные принципы: а) построение глубокой обороны; б) организация плотной и развитой на большую глубину противотанковой обороны; в) организация надежной ПВО; г) подготовка маневра войск, танков и противотанковых средств в обороне. Это означало в понимании Н. Ф. Ватутина глубокое эшелонирование не только оборонительных рубежей, но и войск, не только минирование, но и сооружение сложных инженерных противотанковых препятствий, создание эшелонированных в глубину противотанковых районов и подвижных противотанковых резервов. «Наиболее эффективным способом ПВО» Н. Ф. Ватутин считал уничтожение авиации противника на аэродромах и предлагал «теперь же разработать план крупной воздушной операции» и своевременно приступить к его выполнению [1, л. 3].

Наряду с предложениями и мероприятиями по совершенствованию плана обороны войск Воронежского фронта в докладе были представлены также «соображения по подготовке наступательных операций» на юго-западном направлении. Фактически то был план последовательного разгрома основных группировок противника на Левобережной Украине и в Донбассе, выхода к Днепру южнее Киева и создания крупного плацдарма на его правом берегу между Днепропетровском и Мелитополем (выход к Азовскому морю), а при благоприятных условиях – между Черкассами и Николаевом (выход к Черному морю) [1, л. 9, 10]. Недостатком этого плана, с точки зрения высшего политического и военного руководства страны, было то, что он не затрагивал центральный участок фронта (к западу от Москвы) и «оставлял в стороне направление на Киев» [10, 161], который в этом случае оставался к северу от направления предлагаемого наступления на юго-западном направлении (этот момент был впоследствии учтен в уточненном плане Ватутина). Укрепление безопасности Москвы и скорейшее освобождение Киева были важными целями советского руководства и по политическим причинам. В связи с этим вызвавший первоначально немалый

интерес апрельский ватутинский план летней кампании и разгрома всего южного фронта противника «все-таки отвергли» [10, 161].

Стратегический план летней кампании, предложенный Ватутиным в докладе 21 апреля, включал наряду с оборонительной операцией трехступенчатое наступление, масштабы которого возрастали от операции к операции. «Первым и самым необходимым этапом» осуществления этого замысла являлось совместное наступление Воронежского и Юго-Западного фронтов «с целью окружения и уничтожения харьковско-белгородской группировки» немецких войск и освобождения Харькова. Его выполнение было возможно, по прогнозу Ватутина, в двух вариантах: после предварительного отражения упреждающего наступления противника или же при переходе в наступление на ограничившуюся обороной немецкую белгородско-харьковскую группировку [1, л. 11].

Наиболее обстоятельно был разработан план контрнаступления Воронежского фронта (во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта). Он был представлен как в тексте доклада, так и на приложенной к нему карте. Уточненный фронтовой план преднамеренной обороны и план последующего контрнаступления на белгородско-харьковском направлении был рассмотрен и одобрен Ставкой ВГК 25 апреля 1943 г.

Судя по всему, Н. Ф. Ватутин предполагал, что оборонительное сражение, начало которого он прогнозировал тогда в первых числах мая, будет упорным и длительным (не менее месяца), и благоприятный момент для перехода в контрнаступление может наступить ориентировочно «в июне месяце» [1, л. 10, 11]. Следует подчеркнуть, что вариант преднамеренной обороны и контрнаступления считался предпочтительным «на период довооружения и доукомплектования» войск Воронежского фронта, полное восстановление боеспособности которых предполагалось завершить к 5 мая 1943 г. [1, л. 4,5]. К началу мая должна была завершиться по апрельскому плану Ватутина основная боевая подготовка войск фронта к ведению как оборонительных, так и наступательных действий [11, 92]. Однако 25 апреля Ставка установила срок готовности Воронежского фронта к обороне на 10 мая, а к наступлению – не позднее 1 июня [14, 118].

Можно заключить, что представленный на другой карте, приложенной к докладу от 21 апреля, план перехода войск фронта в наступление первый «против обороняющегося противника» [1, л. 11]

обусловливался, по Ватутину, возможным отказом немецкого командования от наступления и переходом войск противника к преднамеренной обороне или же чрезмерным оттягиванием перехода немецких войск в наступление. Оборонительно-контрнаступательная стратегия рассматривалась им как временная (более приемлемая на ближайший период времени). Видимо, она рассматривалась одновременно как преднамеренная, так и вынужденная условиями создавшейся обстановки (весенней распутицей и трудностями подвоза материальных средств, необходимостью сосредоточения и перегруппировок, полного восстановления боеспособности и завершения основного курса боевой подготовки войск фронта и т. п.). Выгоды временной обороны для Ватутина, по-видимому, состояли не в обороне как таковой, а в первую очередь – в выигрыше времени для подготовки к возобновлению стратегического наступления. Минусы затягивания преднамеренной обороны заключались не только в потере времени, благоприятного для ведения широкомасштабных наступательных действий, а также в отказе от быстрого использования благоприятного соотношения сил, но и в предоставлении противнику времени для укрепления обороны.

Доклад от 21 апреля был многоплановым: в нем были намечены основы сразу четырех планов действий Воронежского фронта: преднамеренной обороны, контрнаступления, первой наступательной операции и летней кампании 1943 г. Начальник оперативного управления Генштаба С. М. Штеменко обоснованно признавал, что Н. Ф. Ватутин подходил к планированию летних операций «очень гибко» [10, 153]. Его апрельские плановые соображения охватывали практически все возможные варианты начала боевых действий на юго-западном направлении (и прежде всего на юге Курской дуги) в летней кампании 1943 г.

В то же время, имея в виду тезис С. М. Штеменко об отклонении Ставкой общего плана летней кампании, предложенного Ватутиным 21 апреля 1943 г., все же остается вопрос о рассмотрении в конце апреля его плана первой наступательной операции на белгородско-харьковском направлении. По новейшей оценке он был одобрен 25 апреля в варианте контрнаступления [15, № 6, 51]. Но ситуация с еще одним апрельским вариантом Белгородско-Харьковской наступательной операции – планом собственно наступления первыми на обороняющегося противника до сих пор не прояснена. В мемуарах Жукова и Василевского прямо указано, что параллельно с разработкой плана преднамерен-

ной обороны и последующего контрнаступления на совещании в Ставке 12 апреля «решено было разработать также и план наступательных действий, не ожидая наступления противника, если оно будет затягиваться на длительный срок» [8, 23].

В течение апреля 1943 г. в Москве и на фронтах проводилась работа по планированию преднамеренной обороны с последующим контрнаступлением. В течение мая советское командование, по свидетельству Г. К. Жукова, вновь встало перед альтернативой: «встретить ли противника оборонной наших войск или нанести упреждающий удар» [8, 32]. Колебания Сталина были вызваны не только его неуверенностью в прочности обороны или в успехе летнего наступления советских войск, но и рядом других факторов, в том числе изменением общей военной ситуации, откладыванием немецкой операции «Цитадель» и предложением командования Воронежского фронта о переходе от оборонительной к наступательной стратегии. По воспоминаниям непосредственных участников процесса советского планирования летней кампании и Курской битвы Г. К. Жукова, А. М. Василевского и С. М. Штеменко в середине мая Н. Ф. Ватутин при поддержке Н. С. Хрущева внес предложение нанести упреждающий удар по белгородско-харьковской группировке противника [8, 31]. Столь радикальный пересмотр недавно одобренной стратегии должен был иметь под собой серьезные основания. С. М. Штеменко указывает на влияние на выбор Ватутина переноса сроков немецкого наступления и в связи с этим на изменение общей военной обстановки. А. М. Василевский связывает эту перемену позиции Ватутина с первым майским предупреждением Ставки от 8 мая о возможности перехода противника в наступление на Курской дуге в период 10–12 мая. «После первого предупреждения, – указывал начальник Генштаба, – когда оно не подтвердилось, военный совет Воронежского фронта усмотрел в этом колебания, а быть может, и отказ врага от перехода в наступление и просил Верховного главнокомандующего решить вопрос о целесообразности нанести противнику упреждающий удар» [7, 24].

Однако известно, что еще 11 мая, когда в штабе группы армий «Юг» был получен приказ о переносе срока начала операции «Цитадель» на 12 июня, Н. Ф. Ватутин в докладе И. В. Сталину полагал, что ее откладывание было связано не с пересмотром наступательной стратегии противника, а с незавершенностью подготовки операции «Цитадель». Он по-прежнему ожидал наступления

противника, но теперь уже (исходя из данных фронтовой разведки) «ориентировочно с 15.5.1943 г.» [5, 234].

Командующий фронтом внес ряд изменений в уже утвержденный Ставкой в конце апреля план действий войск фронта, направленных на обеспечение более быстрого перехода от обороны в контрнаступление (в частности, перевод 1-й ТА на южный берег р. Псел в районе Обояни и т.д.) и просил Сталина утвердить намеченную перегруппировку фронтовых резервов [5, 235].

Но и в середине мая наступление противника не материализовалось. Зато прибывший в это время на Воронежский фронт представитель Ставки ВГК Г. К. Жуков на основании личного наблюдения, данных фронтовой разведки и анализа действий и поведения немецких войск не обнаружил их непосредственной готовности к большому наступлению в районе Белгорода и 16 мая доложил Сталину, что противник «видимо до конца мая наступать не сможет» [5, 32]. 20 мая Ставка направила новое предупреждение фронтам о вероятности начала немецкого наступления в период 19-26 мая [5, 33].

Таким образом, майское предложение Ватутина об упреждающем ударе могло быть выработано и передано в Ставку, по-видимому, именно в коротком промежутке между инспекционным визитом Жукова и новым предупреждением Ставки ВГК, т. е. между 16 и 20 мая 1943 г. А ряд факторов, повлиявших на предложенный Ватутиным в середине мая пересмотр выжидательной стратегии и новый вариант упреждающего наступления, следует дополнить майским визитом на Воронежский фронт первого заместителя Верховного главнокомандующего и его новым хронопрогнозом срока возможного перехода противника в наступление на Курской дуге, т. е. фактически выводом о его затягивании на более длительный срок. Возможно, именно разработку майского предложения Ватутина об упреждающем ударе по немецкой белгородско-харьковской группировке имел в виду назначенный в конце мая 1943 г. новым начальником штаба Воронежского фронта С. П. Иванов, указывавший впоследствии, что «примерно с середины мая» командование фронта приступило к разработке «плана наступательной операции», предусматривавшей совместные действия всех фронтов южного крыла советско-германского фронта. Правда, в его изложении, в планировании этой операции участвовали как А. М. Василевский и Г. К. Жуков, так и командующие фронтами Н. Ф. Ватутин, Р. Я. Малиновский и К. К. Рокоссовский [13, 61].

А. М. Василевский указывал, что Верховный главнокомандующий «очень серьезно заинтересовался» майским планом Ватутина, и лишь совместными усилиями Г. К. Жукова и руководства Генштаба удалось «убедить его не делать этого» [7, 24]. К тому же подоспела новая информация агентурной разведки о том, что противник перенес начало наступления на конец мая 1943 г.

Необходимо отметить, что в ходе майской проверки Г. К. Жукова в планировании действий авиации Воронежского фронта на 16 мая был обнаружен ряд недостатков, над устранением которых работали командующий 2-й ВА С. А. Красовский при помощи авиационного представителя Ставки ВГК Г. А. Ворожейкина. Переработанный майский план боевого использования фронтовой авиации был утвержден сначала Н. Ф. Ватутиным и С. А. Красовским, а 18 мая был утвержден Г. К. Жуковым [3, л. 2,5]. Составленный еще в середине мая план боевого применения 2-й ВА в оборонительной операции на курском направлении не только не пересматривался, но даже не корректировался вплоть до начала Курской битвы, т. е. до начала июля 1943 г. Он не учитывал изменения в наземной и воздушной обстановке, происшедшие за последующие полтора месяца после его утверждения [18, 207]. В частности, это привело к замене запланированной авиационной контрподготовки превентивным ударом по аэродромам противника непосредственно перед началом немецкого наступления.

В то же время общий план фронтовой оборонительной операции, в частности, в связи со сменой начальника штаба Воронежского фронта в конце мая 1943 г. вновь подвергся определенному уточнению [13, 59].

Но еще больше изменений, причем как и в случае с майским планом упреждающего удара, самого далекоидущего характера было привнесено в планы и процесс планирования летних операций на Воронежском фронте в июне 1943 г.

Что же планировали в Москве и на фронтах в июне 1943 г.? С. М. Штеменко писал, что в этот период отрабатывались планы взаимодействия советских фронтов в районе Курской дуги, особенно на стыке Воронежского и Юго-Западного фронтов, а в конце месяца заканчивалось уточнение последних деталей плана контрнаступления [10, 167, 168]. Недавно опубликованные документы Ставки и командования Юго-Западного фронта подтверждают эту оборонительную направленность завершающей стадии планирования летних

операций в полосе этого фронта в течение июня [6, 167, 293-301].

Согласно традиционной трактовке, самое позднее в начале июня Ставкой ВГК было принято «окончательное решение» о преднамеренной обороне, которое она «последовательно проводила в жизнь» [17, 66,67]. В действительности, несмотря на принятые ранее решения, в течение июня советское командование серьезно беспокоило затянувшееся промедление противника с переходом в давно ожидавшееся решительное наступление. К тому же по каналам стратегической разведки в середине июня было получено сообщение о том, что немецкое командование считает наступление на Курск «более рискованным», чем в мае 1943 г. [9, 235].

Фронтное командование сомневалось не только в вероятности перехода немецких войск в стратегическое наступление, но и в целесообразности намеченной ранее стратегии преднамеренной обороны. Более того, в июне в Ставку и Генштаб вносились предложения о ее радикальном пересмотре. Возмутителем спокойствия в середине июня, как и месяцем ранее, стал командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин, которого подвели разведотделы и штабы и собственные просчеты в оценке сил и намерений противника. И хотя он оговаривался, что замыслы немецкого командования документально не выявлены, но утверждал в докладе Сталину 21 июня 1943 г., что «по всем имеющимся данным противник совершенствует оборону» и предполагал, что он «в настоящее время выжидает и сам боится нашего наступления». А раз противник опасается активных действий советских войск, логично заключить, что он имеет тогда против Воронежского фронта уже не наступательную, а «оборонительную группировку» [5, 240]. Поэтому необходимо в основу действий положить план наступления, рассчитанный на его окружение и уничтожение. Именно такое новое стратегическое решение, подразумевавшее отказ от избранной ранее выжидательной стратегии, и предложил Ватутин в докладе в Ставку в середине июня, уточняя и развивая ранее намеченный в его апрельском докладе план первой наступательной операции фронта на белгородско-харьковском направлении [5, 240-244; 1, л. 9-17].

Это был, по замыслу Ватутина, именно план перехода в наступление первыми на обороняющегося противника, а не план упреждающего наступления, как ошибочно трактуют его в ряде новейших обобщающих трудов и монографических исследо-

ваний и статей [15, № 7, 10; 16, 59, 60]. Это следует из внимательного прочтения текста рассекреченного в 1997 г. июньского плана-доклада командующего Воронежским фронтом, анализа данных им 21 июня оценок группировки и намерений противника, а также из решений и планов гитлеровского командования в отношении операции «Цитадель», принятых в июне 1943 г., и реального хода июльской битвы на юге Курской дуги.

Об этом впервые поведал в дополненном издании своих мемуаров бывший тогда начальником Генштаба Красной Армии маршал Василевский. Кстати, он нигде не говорит об упреждении противника применительно к июньскому плану Ватина. А. М. Василевский свидетельствовал о неоднократных попытках командующего Воронежским фронтом в течение июня 1943 г. убедить руководство Генштаба в «необходимости начать самим наступление» на юге Курской дуги. «Давайте бросим окапываться, – предлагал неугомонный «генерал наступления», – и начнем первыми» [7, 24]. Страдая Василевского всякими «бедами» в случае дальнейшего следования оборонительно-выжидательной стратегии, Ватутин одновременно сулил огромные выгоды вплоть до окружения и уничтожения всей южной группировки противника в результате принятия и осуществления своего июньского предложения о проявлении наступательной инициативы.

Его доводы не убедили Василевского, уверенного (по его утверждению) в скором переходе немецких войск в наступление и считавшего, что июньская альтернатива Ватутина будет на руку только противнику. Но, в отличие от майского предложения командования Воронежского фронта, новый план активных действий советских фронтов на юго-западном направлении встретил не только сочувствие, но на сей раз практический отклик Верховного главнокомандующего.

По словам Василевского Сталин счел июньское предложение Ватутина «заслуживающим самого серьезного внимания» и поручил фронтовому командованию разработать и представить свои соображения по плану советского летнего наступления (прежде всего наступательных операций на Курской дуге) в Ставку, что и было сделано в докладе от 21 июня. Начальник Генштаба получил указание содействовать фронтовому руководству в подготовке и представлении этих планов. Хотя Василевский (по его словам) и не был сторонником радикального пересмотра стратегии преднамеренной обороны, он принял указания Сталина к исполнению [7, 25].

Интересное свидетельство о разработке в этот период на Воронежском фронте плана межфронтальной наступательной операции на южном крыле советско-германского фронта оставил генерал армии С. П. Иванов. Бывший начальник штаба Воронежского фронта указывал: «В его разработке участвовали представители Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевский, Г. К. Жуков и приезжавшие непосредственно с заданиями Ставки командующие фронтами генералы Р. Я. Малиновский и К. К. Рокоссовский. В донесении от 19 июня начальнику Генштаба сообщалось о том, что план наступательной операции разработан» [13, 61].

Остается выяснить, каким было окончательное решение Сталина по данному вопросу, какие мотивы (причины) лежали в основании июньской инициативы и нового наступательного плана Ватутина, а также дать оценку его июньской альтернативе. К сожалению, документальных свидетельств о выборе Верховного главнокомандующего пока не опубликовано и даже не выявлено, а мнения исследователей разделились и являются скорее предположениями, а не аргументированными выводами. Нет прямых свидетельств по этому вопросу и в воспоминаниях Жукова, Василевского и Штеменко. В то же время ряд исследователей полагают, что они «отстояли ранее разработанный план» [12, 256].

В другой новой публикации о деятельности высших советских командных инстанций накануне и в ходе Курской битвы утверждается, что «окончательного решения так и не последовало, что свидетельствовало о серьезных колебаниях И. В. Сталина» [15, № 7, 11].

В таком случае получается, что только по получении последних сведений разведки и предупреждения Ставки от 2 июля 1943 г. о возможности перехода противника в наступление в ближайшие дни советское командование предпочло вернуться к ранее намеченной стратегии преднамеренной обороны, которая почти единогласно оценивается в новейшей историографии как самая целесообразная. Издержки (цена срыва операции «Цитадель») относят при этом за счет ошибок при ее реализации [16, 560, 563].

Какими же причинами руководствовался Н. Ф. Ватутин при выдвижении и отстаивании альтернативной преднамеренной обороне наступательной стратегии в июне 1943 г.? Автор уже отмечал, что июньские предложения командующего Воронежским фронтом основывались прежде все-

го «на его неточной оценке группировки и намерений противника», как оборонительных по своему характеру [20, 109].

По этим же причинам Н. Ф. Ватутин не мог и не рассматривал свой июньский план как вариант упреждающего удара по противнику, который, по его предположениям, в середине июня ожидал советского наступления и продолжал подготовку к его отражению [5, 240]. Мотивируя свою инициативу, командующий Воронежским фронтом сослался на опасность потери наиболее выгодного для наступления летнего времени, а также на достигнутое в результате подготовки благоприятное соотношение (достаточное количество) сил [7, 24]. Видимо, сыграли свою роль неточные сведения и оценки штабов и фронтовой разведки, а также неоднократные переносы противником сроков начала наступления и «холостые выстрелы» не подтвердившихся предупреждений Ставки и т. п.

Не исключено и влияние психологического фактора: импульсивной и активной натуры Ватутина. Но не следует забывать, что и сама стратегия преднамеренной обороны первоначально планировалась как временная, рассчитанная на определенный период, и в случае дальнейшего откладывания наступления противника намечался переход советских войск в наступление первыми. Фактор времени играл большую роль и в позиции и решениях Сталина, давшего установку на скорейшее освобождение оккупированной советской территории и форсирование Днепра.

Анализ недавно рассекреченных архивных документов ЦАМО показывает, что во второй половине июня планирование операций и подготовка войск Воронежского фронта к летней кампании и Курской битве приобретают все большую наступательную направленность [19, 182, 183]. По июньскому плану Ватутин первую наступательную операцию предполагалось «начать с середины июля» [5, 242]. Факт подготовки войск Воронежского фронта к переходу в наступление именно в это время подтверждает в своих воспоминаниях и первый член военного совета фронта Н. С. Хрущев, утверждавший, что в начале июля противник упредил наши войска своей операцией «Цитадель».

Как бы то ни было, благодаря усилиям советской разведки, она не стала неожиданностью, и Ставка ВГК своевременно предупредила фронты о возможном переходе противника в наступление в период 3–6 июля и 2 июля приказала «войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника» [5, 41]. Операция «Цита-

дель» была лишена внезапности, которая по апрельскому плану немецкого командования должна была стать одним из основных факторов успешного осуществления замысла окружения и разгрома войск Центрального и Воронежского фронтов на Курской дуге [5, 436, 428]. Июльское предупреждение Ставки и отданное вслед за ним в ночь на 2 июля соответствующее боевое распоряжение командования Воронежского фронта фактически свидетельствуют о том, что в начале июля советское командование приняло окончательное решение встретить ожидавшееся в ближайшие дни немецкое наступление преднамеренной обороной. В то же время можно сделать вывод, что в середине июня в процессе планирования летней кампании 1943 г. на время возобладали позиция Ватутина, предложившего перейти в наступление первыми и 21 июня представившего в Ставку свой июньский план перехода Воронежского, Юго-Западного и Центрального фронтов в июльское наступление. Сталин как Верховный главнокомандующий приказал Генштабу принять участие в срочной разработке нового плана наступления советских войск на Курской дуге, т. е. поддержал (во всяком случае в этот момент) позицию командования Воронежского фронта. С другой стороны, исследователи пока не располагают документами о том, какие решения и планы рассматривались и принимались Ставкой (Сталиным) в период между 22 июня и 2 июля 1943 г.

Проведенный анализ позволяет заключить, что действительный процесс планирования и подготовки Курской битвы был гораздо более сложным и неоднозначным, чем это было представлено в предшествующей исторической литературе, упрощавшей и сводившей его к неуклонному и последовательному проведению в жизнь предварительного апрельского решения о преднамеренной обороне. Однозначно можно сделать вывод, что июньский план Ватутина, изложенный в докладе 21 июня 1943 г., не был и не мог быть планом упреждающего удара по противнику. Во-первых, Ватутин исходил из того, что немецкие войска на юге Курской дуги в середине июня готовились не к наступлению, а к обороне. Во-вторых, в докладе от 21 июня планировалось начать советское наступление в этом районе в середине июля, тогда как Гитлер как раз в этот день назначил наступление по плану «Цитадель» на начало июля.

Командование Воронежского фронта было одним из самых активных участников процесса планирования Курской битвы. Планирование опе-

раций на юге Курской дуги претерпело определенную эволюцию. Только Н. Ф. Ватутин, согласно имеющимся воспоминаниям и, что особенно важно, новым архивным документам ЦАМО РФ, предложил в период с конца марта до конца июня 1943 г. не менее трех-четырёх вариантов плана действий войск фронта (во взаимодействии с соседними фронтами) в летней кампании и битве на Курской дуге: упреждающего удара, преднамеренной обороны и контрнаступления и наступления на выжидającego противника. Если первые (весенние) планы и предложения Ватутина в целом исходили из достаточно обоснованных оценок и прогнозов группировки и намерений противника, то его июньский план не соответствовал реальной обстановке и действительным замыслам немецкого командования. Но в конечном итоге, благодаря достаточно эффективной деятельности советской разведки накануне Курской битвы, советские войска в начале июля 1943 г. были приведены в полную боевую готовность к отражению операции «Цитадель». Созданная в период подготовки битвы на Курской дуге прочная и глубокая система обороны оказалась непреодолимой. Спустя всего 10–12 дней Центральный и Воронежский фронты смогли перейти от обороны к наступлению и вместе с соседними фронтами одержали решительную победу в борьбе за окончательный перелом в ходе войны.

Позитивной стороной многоплановой стратегии Ватутина и в целом планирования летних операций 1943 г. советским командованием была разносторонняя подготовка наших войск как к обороне, так и к наступлению, что было в равной степени необходимо для победы в битве на Огненной дуге. В то же время не исключено, что более последовательное проведение в жизнь выработанной совместными усилиями в течение апреля 1943 г. оборонительно-наступательной стратегии могло бы повысить эффективность действий советских войск в период июльской обороны на юге Курской дуги, сократить потери и ускорить переход от обороны к наступлению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 419. Л. 1–17.
2. Там же. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 208. Л. 113–116.
3. Там же. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 24. Л. 2–5.
4. Русский архив: Великая Отечественная. – М., 1997. – Т. 15 (4–3).
5. Там же. – Т. 15 (4–4).
6. Там же. – М., 1999. – Т. 16 (5–3).
7. Василевский А. М. Дело всей жизни / А. М. Василевский. – М., 1990. – Кн. 2.

8. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления / Г. К. Жуков. – М., 1995. – Т. 3.
9. Радо Ш. Под псевдонимом Дора / Ш. Радо. – М., 1976.
10. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны / С. М. Штеменко. – М., 1968.
11. Битва под Курском. – М., 1946. – Кн. 1.
12. Великая Отечественная война. 1941–1945 : воен.-ист. очерки. – М., 1998. – Кн. 2.
13. Иванов С. П. О работе штаба Воронежского фронта в период битвы под Курском / С. П. Иванов // Битва на Курской дуге. – М., 1975. – С. 58–64.
14. История Второй мировой войны 1939–1945. – М., 1976. – Т. 7.
15. Макар И. П. «...Переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника» / И. П. Макар // Воен.-ист. журнал. – М., 2003. – № 6. – С. 3–9; № 7. – С. 10–15.
16. Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности / Л. Лопуховский. – М., 2005.
17. Соловьев Б. Г. Курская битва / Б. Г. Соловьев. – Белгород, 2003.
18. Тимохович И. В. Оперативное искусство Советских ВВС в Великой Отечественной войне / И. В. Тимохович. – М., 1976.
19. Шамрай В. А. От обороны к наступлению: планирование и подготовка Курской битвы (март – июль 1943 г.) / В. А. Шамрай // Воронежский вестник архивиста. – Воронеж, 2005. – Вып.3. – С.175-185.
20. Шамрай В. А. Разведка и прогнозирование на Воронежском фронте накануне Курской битвы (конец марта – начало июля 1943 г.) / В. А. Шамрай // Исторические записки: науч. тр. ист. ф-та ВГУ. – Воронеж, 2006. – Вып.12. – С. 99–113.